

Несколько замечаний о Русской грамматике Лудольфа

«Мы не обладаем достаточными историческими материалами для суждения об обстоятельствах появления в свет грамматики Лудольфа», — сетовал С. П. Обнорский в статье, посвященной этой грамматике, как известно, изданной на латинском языке в Оксфорде в 1696 г. Далее отмечалось: «Кое-какая литература по вопросу имеется, но она вообще и незначительна, и фрагментарна, и поэтому скудно освещает нас сведениями по данному вопросу»¹. Тем большее значение приобретают данные, проливающие свет на эту проблему, извлекаемые из самой грамматики.

Обратимся к употреблению в ней букв *ъ* и *ь*. Осуществивший переиздание грамматики с переводом ее на русский язык Б. А. Ларин писал: «Мягкость конечных согласных обычно не обозначена Лудольфом, но это стоит в связи с отсутствием регулярного обозначения ее в письме и печати московских книг и рукописей того времени. Окончание инфинитива, напр., как правило писалось и печаталось тогда выносной буквой *t* без ерика, а ок. 3 л. ед. ч. наст. врем. с тою же выносной (надстрочной) *t* без ера. Лудольф все инфинитивы пишет с окончанием *-тъ*. Он пишет и *лошадъ* (89) и *лошадь* (45). Рядом с *барсъ* в словаре читаем *рысъ* (89), как рядом с *лошадъ* — *быкъ* (89). Это внесено, я думаю, при печатании книги»². В отличие от автора переиздания, который полагал, что это не снижает ценности грамматики, поскольку никого

¹ С. П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку. М., 1960, стр. 145.

² Г. В. Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переизд., перев., вступит. статья и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937, стр. 30.

не вводит в заблуждение³, С. П. Обнорский высказывался так: «Анализ грамматики Лудольфа в известной части затрудняется и недостатками издания: в нем очень много опечаток или иных черт своеобразной непоследовательной передачи системы русской графики. Так, напр., ъ в середине слов (между согласными) не пишется; на конце слове вместо ъ очень часто пишется ѣ (между прочим, постоянно в формах инфинитива)»⁴.

В первом случае речь идет о написаниях вроде болшой (48), горко (52), санми (55) и т. п. Заметим: отсутствие буквы ъ в указанных положениях — это не непоследовательность, а напротив, известная норма в передаче графики того времени, однако, графики не всей (с уставом и полууставом), а именно скорописной — в русской скорописи той поры согласная буква перед согласной обыкновенно писалась как выносная, а буква ъ за ней опускалась. Кстати, эта особенность может указывать на то, что соответственные элементы текста в оригинале грамматики Лудольфа были написаны скорописью. В грамматике в середине слова буквенный знак мягкости сохраняется только в случаях, когда он вместе с тем является и знаком отделительным: челом бью (53), бьетъ челомъ (56); несомненно его наличие и за такими опечатками: сембю (49) вм. семью; семва (55) вм. семья.

Что касается употребления буквы ѣ в конце инфинитива и в 3 л. ед. и мн. числа, то объяснение ее появления в том и другом положении, предложенное Б. А. Лариным, представляется правдоподобным. Видимо, тем же объясняется передача имен числительных вроде пять (82), одиннацеть (82), двадцать (82) и т. п. с конечным ѣ, а не ъ, а также части имен существительных: дождь (83), мѣдь (85), окънь (88), соболь (89) и др. Наоборот, конечный ъ взамен бесспорного ѣ отмечен только в двух случаях: изъ ѡбѣдны (68), быкъ (89). Выходит, написание ѣ взамен конечного ъ во всех указанных группах слов — едва ли не общее правило, скорее проведенное Лудольфом, нежели явившееся отражением графической недифференцированности ѣ и ъ, нередкой в русской скорописи XVII в.

Такое соотношение неправильных написаний, с одной стороны, буквы ѣ, с другой — буквы ъ едва ли можно

³ См. там же.

⁴ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 148.

объяснить тем, что оксфордские наборщики плохо разбирались в русских буквах оригинала. Плохая ориентация в русской скорописи, при формальном воспроизведении русской графики, скорее провоцировала бы их делать больше отклонений от правильного написания ъ и несколько меньше отклонений от правильного написания ь или, иначе говоря, отражать в печатной грамматике то состояние графической сбивчивости, свойственной данным буквам, которое было в русской скорописи конца XVII в. А о том, что эта сбивчивость в оригинале грамматики Лудольфа оставила определенный след, можно, например, судить по некоторым опечаткам. Имеем в виду приведенные выше опечатки сембю (49), семва (55). Происхождение последних, полагаем, следующее: начертания ь в оригинале грамматики были неодинаковы — одно напоминало букву б, другое — букву в. Указанные графические ассоциации в русской скорописи того времени были вероятны.

Возвращаясь к фактам неправильного употребления ъ и ь в грамматике Лудольфа, следует заметить, что объяснять их недостаточным различием при наборе печатных ъ и ь также нет никаких оснований, поскольку графически эти буквы четко различались⁵.

В грамматике встречаются написания слов и с правильным конечным ь. Их присутствие в книге Лудольфа, на фоне многих написаний ъ взамен конечного ь, также получает объяснение. Обратимся прежде всего к словам, писавшимся сокращенно. «Русские, — сообщает Лудольф, — постоянно пользуются в рукописях и в печати сокращениями» и приводит среди наиболее употребительных сокращений такие: г^сдь, г^сдрь, д^нь, м^дрость, м^лть, у^чть, ц^рь, ч^сть⁶. Лудольф воспринял их в том виде, в каком они употреблялись в уставных и полууставных рукописях и на страницах печатных книг. Некоторое количество слов с правильным конечным ь встречаем в цитатах из церковных книг. Этот факт находит объяснение в том, что в подобного рода текстах — уставных и полууставных, а также и печатных — обозначение мягкости согласных посредством буквы ь было общим правилом.

⁵ См.: Г. В. Лудольф. Указ. соч., ротокопия, стр. 10.

⁶ Там же, стр. 118—119.

Составляя свою грамматику, Лудольф исходил из представления, что в России принято говорить по-русски, а писать по-славянски⁷. Этот лингвистический дуализм и получил отражение в его грамматике. Наряду с лексическими элементами русской народной речи в ней отложилось и буквальное в прямом значении этого слова заимствования из церковнославянских источников, в том числе и некая доля слов с правильным конечным *ь*. Так, в грамматике находим сравнение славянизмов *есень*, *ночь* и *немоць* с русскими соответствиями *осень*, *ночь* и *немочь* (4—5). Первые восприняты с конечным *ь* из церковнославянской письменности, а в соответствии с ними и русские слова приведены с конечным *ь*. В цитатах из церковнославянских текстов: сына своего единороднаго даль есть (72), должнеть христанскю справляють (76), человекъ любить... власть, честь (78), роздѣти станѣт счастливость (80). Естественно правильное употребление конечных букв *ъ* и *ь* в парадигмах именного склонения, приведенных, видимо, по образцу парадигм в грамматиках, принятых в России. Однако в парадигмах спряжения 2 л. ед. числа оформляется посредством *ъ*, а не буквы *ь*; с той же графической приметой выступает, как говорилось выше, и инфинитив.

С одной стороны, как мы видели, слова с правильным конечным *ь* восходят к церковнославянским источникам, с другой — связаны с воспроизведением примеров русской народной речи. В ее диалогических образцах читаем: кормиль ты лошадь (54), въпраги лошадь (55), ѡседлаи лошадь (55), где лѣсовъ много тамъ огонь мало стоять (62), в дрѹгой день (62). Не означают ли факты второго рода, что в записывании или корректировании вошедших в книгу Лудольфа образцов живой разговорной речи принимали участие русские люди? Предположение это не лишено оснований. Ведь автор грамматики, — пишет Б. А. Ларин, — «не всегда улавливает (и обозначает) различия палатализованных согласных от твердых — на конце слова»⁸.

«Как правило, — замечает Б. А. Ларин, — Лудольф прекрасно различает русские глухие и звонкие (в фонетических транскрипциях нет ни одной неточности), но там,

⁷ Там же, стр. 114.

⁸ Там же, стр. 29.

где внимание было отвлечено от фонетики, он мог допустить оплошность. Надо сказать, что таких его промахов удивительно мало» и среди фактов подобного рода приводит далее следующие: та (вм. да) (68), хосаинь (48), трахва (вм. драхва) (89), барень (вм. парень) (50)⁹. Исследуя русские старинные грамотки, т. е. частные письма, мы обнаружили в них следы такого любопытного явления, как глухость согласных вместо звонкости и, реже, наоборот, выступавшие вне условий ассимилятивного оглушения или озвончения¹⁰, причем явление это отражается в текстах и северновеликорусской и южновеликорусской приуроченности. Выходит, в фактах, отмеченных Б. А. Лариным, позволительно усматривать и не промахи, а возможные, факультативные детали устной русской речи и, значит, равно вероятную принадлежность подобных записей как автору грамматики, так и носителям русского языка.

Запечатленное в грамматике Лудольфа состояние безударного вокализма С. П. Обнорский характеризует как «оканье и лишь вкрапление элементов аканья»¹¹. Однако обнаружить оканье под покровом «окающей» орфографии, полагаем, невозможно. Далее, как показало изучение московских текстов XVII в., аналогично, т. е. вкраплениями, проявлялось аканье под пером таких носителей русского языка, сомневаться в акающей произносительной норме которых не приходится¹².

Словом, представленные в грамматике приметы безударного вокализма могли иметь своей «подосновой» общемосковское аканье. Усматриваемая С. П. Обнорским в этом вокализме «диалектная дифференциация»¹³, можно сказать, мнимая.

Рассмотрение некоторых деталей грамматики на фоне современной ей широкой русской письменности в известной мере подкрепляет мнение о значительной ценности этой книги для изучения истории русского языка.

⁹ Г. В. Лудольф. Указ. соч., стр. 29—30.

¹⁰ См.: С. И. Котков, Н. П. Паукратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964, стр. 9.

¹¹ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 159.

¹² См.: С. И. Котков. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974, стр. 51—102.

¹³ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 159.